

5. 1912 — 1914 гг.: политический застой и социальные брожения

Столыпин сменил министр финансов Коковцев, известный своим изречением: «Слава Богу, у нас нет парламента!» Оно как нельзя лучше характеризовало и самого деятеля, и его программу. Хорошо разбираясь в технических вопросах финансового дела, он сумел успешно провести переговоры с целью получения второго крупного займа от французских властей: 2,5 млрд. фр. сроком на пять лет. В отличие от Столыпина у Коковцева не было никакой политической или социальной программы, если не считать желания сохранить статус-кво. В результате выборов в Четвертую Думу в октябре 1912 г. правительство оказалось в еще большей изоляции, так как октябристы отныне твердо встали наравне с кадетами в легальную оппозицию. Социальное брожение достигло наивысшей точки в 1912—1914 гг. Оно возобновилось сразу после смерти Л.Толстого (7 ноября 1910 г.) со студенческих волнений и многочисленных манифестаций, в особенности против смертной казни, за отмену которой боролся великий писатель. В январе 1911 г. министр народного образования Кассо запретил какие-либо собрания в высших учебных заведениях. Студенты возмутились этим посягательством на университетскую автономию и ответили всеобщей забастовкой, продолжавшейся в течение многих месяцев и охватившей многие университеты страны.

Рабочие волнения возобновились 4 апреля 1912 г. в связи с трагическими событиями на сибирских золотых приисках «Лена голдфилдс», связанных с крупными банками и дворцовыми кругами. В этот день войска расстреляли группу бастующих, требовавших лучших условий труда. Погибло 270 человек, и столько же примерно было ранено. На заседании Думы министр внутренних дел Макаров по поводу этих событий так ответил на депутатский запрос: «Так было, и так будет впредь». Общественное мнение было возмущено не только расстрелом рабочих, но и уверенностью правительства в своей правоте. 1 мая 1912 г. сотни тысяч бастующих прекратили работу. Число их продолжало неуклонно расти, в первом квартале 1914 г. оно достигло 1,5 млн. человек. Столкнувшись с жесткой реакцией хозяев (лишь 38% бастующих добились успеха в 1913—1914 гг.), рабочие действовали все более решительно. Идея всеобщей забастовки завладела умами. В мае 1914 г. в знак солидарности с бастующим Баку остановили работу предприятия Петербурга и Москвы. В обеих столицах наблюдалась значительная радикализация политической жизни рабочих, социалистическая идеология и лозунги большевиков все глубже проникали в сознание. С социологической точки зрения тому имелся ряд причин.

Во-первых, в этих городах имелось уже достаточное количество потомственных рабочих, потерявших, полностью или частично, связь с деревней; во-вторых, за десять лет заметно вырос уровень грамотности, особенно среди рабочих, прибывших из деревень, которых потомственные рабочие легко увлекали на путь борьбы за свои права. Наконец, в-третьих, в столичных городах пустились корни рабочая культура и рабочая община, более гармоничная и организованная, включающая в себя в отличие от предшествующего десятилетия не только холостых рабочих, но и рабочие семьи, в том числе женщин и молодежь. Рабочая среда окончательно разочаровалась в монархии и в либералах, идеи социализма, и в первую очередь большевиков, проникали в глубь сознания. Начиная с января 1912 г. большевики окончательно порвали с меньшевиками и с «ликвидаторами»; они организовали свой собственный Центральный Комитет, которому надлежало усилить легальную и подпольную деятельность большевиков в России. С другой стороны, под влиянием Мартова и Троцкого социал-демократы других направлений образовали в Вене так называемый Августовский блок. В Думе фракция большевиков состояла из шести депутатов, меньшевиков было семь. Раскол между ними произошел в октябре 1913 г. Каждый лагерь постарался закрепить за собой сферы влияния: так, меньшевики обосновались в Грузии и на Украине, в то время как Санкт-Петербург, Москва и Урал остались за большевиками. У каждого были свои газеты: у меньшевиков — «Луч», у большевиков — «Правда», Ежедневный печатный орган большевиков стал выходить с 5 мая 1912 г. в количестве 40 тыс. экземпляров. «Правда» пользовалась большим успехом среди рабочих столицы благодаря слаженной цепочке распространителей, самоотверженно выполнявших свою работу. Газету запрещали и закрывали восемь раз, однако вплоть до июля 1914 г. она всякий раз выходила в свет под другим названием.

Волна забастовок, захлестнувшая преимущественно Москву и Санкт-Петербург в первой половине 1914 г., несомненно, грозила революционными событиями. Однако она все же не являлась, как о том писали советские историки, предвестницей революции, неизбежной и необходимой, идущей в русле истории. Доказательством тому служит быстрота, с которой взлет патриотизма, с одной стороны, и правительственные репрессии — с другой, положили конец забастовкам начиная с августа 1914 г. Самодержавию вынесли приговор два обстоятельства: неспособность к реформам и война. Первое из них еще раз продемонстрировало себя в январе 1914 г., в момент назначения на пост премьер-министра И. Горемыкина, уже доказавшего в 1906 г. свою полную некомпетентность; в этом назначении проявилось отсутствие у властей возможности обновления и их политическая бесперспективность.

Модернизация экономики страны, ее переход к капиталистической стадии предполагали внешний мир как непеременимое условие. Это понимали как Витте, яростный противник русско-японской войны, так и Столыпин и Коковцев. Смена министров, произведенная в январе 1914 г., развязала руки воинственно настроенным ультраправым националистам. Война с Германией — «лучший подарок революции» от царского правительства, писал Ленин сразу после случившегося. Его мнение по данному вопросу совпало с предсказаниями бывшего министра внутренних дел Дурново, ко-

торый считал, что «конфликт с кайзером может привести только к социальной революции в самых крайних формах и к полной анархии». Объявление войны положило начало шести годам потрясений, завершившимся столь радикальным преобразованием, какого не испытывало в столь короткий срок еще ни одно общество.